

кладку, предохраняющую спину лошади от ранений. На лошадь надевали попоны или покрывали ее латами.

На одной из репродукций — летняя кухня в доме богатого человека, датируемая IV в. н. э. (табл. 2). Это самое раннее изображение подобного рода построек. Очень своеобразно устройство плиты с дымоходом. Топка печи поднята высоко над полом, котлы не вмазаны, а стоят на плите. В другом месте мы видим изображение колодца с журавлем; вокруг колодца сделана насыпь, а сам колодец огорожен решеткой (табл. 3).

В сценах на кухне и у колодца богато представлена утварь древних когуресцев: различной формы горшки, ложки, зернотерка.

Роспись гробницы Саёнхон дает представление о средствах передвижения когуресцев — это двухколесная повозка, иногда с крытым верхом. Везет ее вол.

В живописи древнекогуресских гробниц отражены и религиозные верования когуресцев. В этом отношении очень интересны изображения мифологического дерева духов с сидящими на нем птицами, созвучное тунгусо-маньчжурским верованиям, и четыре изображения шаманов, идущих во главе войска (табл. 6, 1). Пятнистый орнамент их юбок напоминает о многочисленных бляхах и монетах, являющихся необходимой принадлежностью костюма тунгусо-маньчжурских и монгольских шаманов.

Очень часто стены гробниц украшались изображениями четырех мифологических животных, символизирующих четыре стороны света: синий дракон (восток), белый тигр (запад), красный фазан (юг), черепаха (север). Будучи изображенными под землей, они воспринимались как защитники от злых духов.

В целом альбом «Культурное наследие Кореи» является весьма ценным источником для изучения корейского искусства, этнографии, истории.

Р. Джарылгасинова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Russell Ames, *The Story of American Folk Song, with a Foreword by Hellen L. Kaufmann*, New York, 1955, Crosset and Dunlap, 276 стр.

В 1955 году в США была издана книга Рассела Эймса «История американской народной песни». Появление этой книги можно рассматривать как свидетельство роста прогрессивного демократического течения в американской фольклористике последних лет.

Автор книги — известный американский исследователь и собиратель народного творчества. Многие из песен, анализируемых в книге, взяты из его личного фонда фольклорных материалов, записанных им в армии, среди представителей различных современных профессий, а также из фонда записей, составленных крупнейшими современными прогрессивными американскими фольклористами. В книгу вошли также материалы, напечатанные на страницах прогрессивного американского фольклорного журнала «Синг Аут!»

Книга Эймса представляет собой удачный опыт составления истории американской песни, отражающей историю трудового народа США.

Эймс исходит из убеждения в том, что подлинно народная песня всегда является результатом долголетнего процесса коллективного творчества широких масс. Он предлагает отличать от народных песен песни «популярные», к числу которых, например, относятся современные «популярные» песни, исполняющиеся джазом Тин Пэн Элли. Если эти «популярные» песни будут восприняты широкими массами народа и подвергнутся процессу коллективной творческой шлифовки, тогда, возможно, они станут также произведениями фольклора. Но непременным условием этого должна быть народность содержания таких песен. В период американской революции, например, распространялось много маршевых песен. Но лишь немногие из них, только те, которые действительно выражали думы народа, стали произведениями фольклора.

Поэтому Эймс утверждает, что история американской народной песни отражает историю широких народных масс, развитие демократических традиций нации.

Историю американской народной песни Эймс характеризует в связи с крупнейшими этапами истории американского народа (колонизальный период, война за независимость, гражданская война, колонизация Запада, первая и вторая мировые войны). Он внимательно прослеживает, как в каждом из этих исторических периодов народная песня запечатлевала важнейшие стороны жизни и мировоззрения народа. При этом Эймс высказывает суждения, идущие часто вразрез с установившимися в среде американских исследователей точками зрения.

Так, во многих исследованиях, в частности на страницах официального органа фольклорного общества США — «Журнала американского фольклора» — негритянские духовные песни (spirituals) рассматривались как религиозные произведения. Эймс же, напротив, подчеркивает земной характер этих песен, напоминающий, по его мнению, реалистический подход к жизни и религии во многих европейских «христианских народных песнях». Например, почти у каждого христианского народа, по словам Эймса, в фольклоре есть песня о рождении Христа. Такая же песня есть и у американских негров. Христос изображается в образе малютки, родившегося в семье бедняка в соломен-

ной крестьянской колыбели. Крестьяне несут ему скромные подарки. Такую простоту взаимоотношений между людьми и богом в негритянских духовных песнях Эймс объясняет двумя причинами. Во-первых, негритянские духовные песни непосредственно восходят к африканскому фольклору, в котором и сегодня «бог, природа и повседневная жизнь людей слиты воедино». Во-вторых, и эту причину Эймс считает основной, духовные песни очень часто служили средством выражения страданий и протеста негров против рабства. Эмоционально насыщенная форма духовных песен способствовала передаче чувств гнева, тоски и ненависти, мольбы о свободе и счастье угнетенного народа.

«Когда в таких песнях,— пишет Эймс,— рабы пели «я», они часто подразумевали «мы», весь негритянский народ, или, может быть, все страдающее человечество. Внешне многие из духовных песен казались не более чем выражением личных страданий и стремлений. Однако, взятые в целом, негритянские духовные песни образуют эпос — фрагментарный благодаря тому, что он образован из небольших эпизодов, выбранных из библейской литературы, но в то же время единый благодаря своей тематике — сострадание ко всем угнетенным и утверждение борьбы против угнетателей. В этом эпосе Иисус выступает как герой, и образ его многосторонен. Прежде всего он обладает двойным характером — бога и человека, а как человек он наделен двумя личностями: он символ страдающего народа — «они пригвоздили его к кресту, но он не принес ни слова», и в то же время он вождь и боец» (139).

Анализ Эймсом негритянских духовных песен представляет несомненный интерес и для исследователей истории фольклора других народов, в частности, для русских фольклористов. Известно, что в современной русской фольклористике духовные стихи — область слабо изучаемая. Между тем духовные стихи могут дать ценные факты, свидетельствующие о «бытовом православии» в русском фольклоре — явление, на которое указывали в своих работах многие русские исследователи, в том числе и революционные демократы.

В этой же связи следует отметить раздел, посвященный негритянским песням протеста, который также может представлять интерес для русских исследователей.

Эймс избегает упрощенческой трактовки песен протеста. Кроме группы песен, в которых непосредственно выражался протест против рабства, в этот раздел исследователь включает также песни, внешне, казалось бы, не связанные с ним. Он разбирает песни, описывающие рабские условия труда негров, песни, в которых часто спасение ожидалось от бога. И тем не менее Эймс считает их песнями протеста. Религиозные мотивы его не смущают, так как эту черту он считает естественно присущей мировоззрению поработенных и бесправных людей. Под религиозной оболочкой он видит зреющий протест.

Своеобразной формой протеста Эймс считает зафиксированное в песнях и сказках негров стремление хитростью и умом победить силу хозяина, что, по справедливому замечанию Эймса, присуще фольклору многих других народов.

Стремление Эймса тесно связать анализируемые им песни с конкретными условиями объективной действительности, отраженной в них, — черта ценная и характерная для его книги. Следует при этом особо подчеркнуть, что Эймс старается уловить всю сложность и противоречивость процесса отражения в песне тех или иных сторон жизни народа. Показательна в этом отношении глава книги, посвященная ковбойским песням.

Преодолевая ставшую традиционной одностороннюю оценку ковбойских песен, как песен, изображающих в романтическом духе жизнь отважных ковбоев, Эймс сближает ковбойские песни с песнями рабочих. Он отмечает, что ковбойские песни запечатлели все тяготы ковбойского труда, как и песни шахтеров, лесорубов, железнодорожников. Но ковбойские песни претерпели значительную эволюцию в своем развитии после гражданской войны. По словам Эймса, ковбоев охватила истерия, они стали мечтать о крупных поместьях, о лендлордстве. В борьбе за осуществление этой мечты многие ковбои становились еще беднее, чем были. Отразившись в песнях, эти новые явления в жизни ковбоев породили борьбу демократических традиций с традициями консервативными. Образ ковбоя в песнях стал двойным. То это был бедный труженик, жалующийся на свою судьбу, то «рыцарь прерий». «Ковбойские песни испытывали постоянное колебание, впадая то в народный реализм, то в литературный романтизм» (223).

Характеризуя песни периода первой и второй мировых войн, Эймс обращает внимание на черты, обычно не отмечаемые его предшественниками. Среди песен первой мировой войны он выделяет сатирические солдатские песни, в которых был выражен протест солдат против войны, чуждой их интересам, против условий их жизни в армии. «Во имя какого ада боремся мы?» — эта строчка из солдатской песни, по словам Эймса, стала лейтмотивом фольклорных песен в годы первой мировой войны.

В годы второй мировой войны в американской армии имели хождение различные невоенные песни (например, австралийская песня «Вальсирующая Матильда», немецкая — «Лили Марлен»), которые, по словам Эймса, напоминали солдатам о мирной жизни.

Всесторонне и проникательно анализируются в книге Эймса песни периода колонизации запада США. Эти песни в среде консервативных исследователей ценились обычно как произведения, воспевающие дикую смелость сильной личности. Эймс отказывается от односторонней оценки и подчеркивает, что песни периода освоения запада отразили повседневную трудовую жизнь людей, их горести, радости, счастье, любовь. Среди них были песни об одинокой и печальной любви, песни о доле замужней женщины,

сатирические песни о злых женах, которых не может победить даже черт, и многие другие, встречающиеся в фольклоре разных народов мира. Правда, специфика жизненных условий наложила свой отпечаток на эти песни. В них отразились черты грубости, дикости, необузданной силы.

Касаясь таких популярных героев, как Джесси Джеймс, с именем которого в консервативной науке связывали прославление культа сильной личности, Эймс указывает на единство Джесси Джеймса с плеядой всемирно известных фольклорных «народных заступников» во главе с Робин Гудом. Всех этих героев, по словам Эймса, роднит благородство по отношению к бедным людям.

Своеобразно подходит Эймс к освещению истории рабочей народной песни.

Анализируя большой фактический материал, собранный американскими исследователями XX века, в частности рабочие песни, опубликованные на страницах прогрессивной американской и английской печати, используя свои личные наблюдения, Эймс приходит к интересному выводу. Народная песня в подлинном смысле этого слова, говорит он, т. е. песня, возникающая в процессе длительной коллективной творческой шлифовки, создается и развивается в основном среди тех профессий рабочих, условия труда которых наиболее благоприятствуют эпосу: среди лесорубов, работающих партиями, шахтеров, железнодорожников, ремонтно-строительных рабочих и т. п. Песни этих профессий в наибольшей степени хранят традиции старого фольклора. В то же время эти песни не остаются в стороне от общего русла исторического развития фольклора, идущего к сближению с профессиональным искусством и приобретающего качественно новые черты. Среди этих новых черт самой характерной Эймс считает усиливающуюся роль личного начала в процессе создания и бытования современной народной песни вообще, рабочей в частности.

Самым распространенным жанром рабочей песни становится баллада нового типа, открывающаяся строчкой: «Собирайтесь все, шахтеры», или «Собирайтесь все, лесорубы» и т. п. Генетически эта баллада восходит к английским и шотландским городским уличным балладам, в которых действовали слуги, моряки и другие представители городских низов. В этих старых, «классических», как их принято называть, балладах повествование о каком-нибудь событии в жизни героя передавалось обычно в форме живого диалога. По мысли Эймса, содержание «классических баллад» было субъективным, а стиль — несубъективным. Новые «профессиональные» баллады по содержанию становятся более «коллективными», а по стилю — более индивидуальными и эмоциональными. Раскрывая свою мысль, Эймс указывает, что содержание профессиональных баллад приобретает публицистический, агитационный характер. В них рассказывается о конкретных условиях труда рабочих, о средствах борьбы за их улучшение и т. д. Диалог исчезает, появляется изложение быстрой смены событий, дат, имен и других конкретных деталей. Завершается такая баллада обычно четко сформулированным в одной строчке призывом к действию.

Несколько глав в книге Эймса посвящены профессиональным балладам американских железнодорожников, лесорубов, шахтеров, строителей каналов и дорог.

Среди жанров современной американской народной песни особое место отводит Эймс блюзам. Блюз — небольшая по размеру трехстрочная песенка, в которой строчки повторяются из строфы в строфу. Слов в блюзе немного, но они постоянно варьируются в соответствии с постоянно варьирующимся ритмом и импровизированным музыкальным потоком мелодии аккомпанемента в конце каждой строки. Блюз по своему происхождению песня негритянская. В ней изливались чувства глубокого одиночества и мучительной тоски по дому — «по дому физическому и духовному», как выражается Эймс. Форма этих песен, словесная и музыкальная, способствует передаче самых тонких эмоций. Поэтому блюзы получали широкую популярность не только в современном фольклоре, но и в джазовом репертуаре. Эймс справедливо считает блюзы одним из самых живых жанров современного американского фольклора.

Последняя глава книги посвящена актуальному и сложному вопросу современной фольклористики — вопросу о дальнейшей судьбе народной песни. Эймс отвергает распространенную в консервативной англо-американской фольклористике точку зрения об умирании фольклора в XX веке. Народная песня не умирает, утверждает Эймс, а лишь видоизменяется.

Наряду с полным отрицанием старейших жанров, «старые песни», — пишет он, — находят способы жить и в тени небоскребов и на фабриках, а новые песни рождаются каждый день. Война и мир, индустриальные споры и пыльные штормы, депрессия и «новый курс», атомная энергия и софистика городских детей — все это и многое другое находит путь в современную народную песню. Река народной песни никогда не остановит своего течения: история никогда не будет иметь конца» (269—270).

Конечно, народная песня в наш век качественно отличается от песен ранних веков, пишет Эймс. Он выражает твердую уверенность в том, что современная народная песня, как и раньше, является носителем лучших демократических традиций нации. Не случайно поэтому, как отмечает Эймс, наблюдающееся среди широких масс населения США и других стран возрождение интереса к народной песне связано со стремлением всех честных людей в этих странах сохранить и продолжить демократические культурные традиции своей нации.

К сожалению, Эймс конкретно не анализирует отличительные черты современной народной песни и лишь в самой общей форме выражает свою мысль о том, что и в XX веке народная песня продолжает жить и развиваться.

В книге Эймса можно отметить ряд других недостатков, особенно в освещении вопроса о рабочих песнях.

Несмотря на попытки преодолеть традиционные точки зрения, принятые в буржуазной науке, в своих воззрениях на рабочие песни Эймс испытывает влияние буржуазной фольклористики. В основу классификации рабочих песен он кладет профессиональный признак и почти совершенно не учитывает факторы, связанные с классовой борьбой пролетариата. Он недооценивает значение изучения роста политического сознания рабочих и истории рабочего движения США для понимания характера и особенностей развития американской рабочей песни. В результате этот раздел книги в наименьшей степени отвечает задаче, поставленной самим автором, — в истории народной песни проследить историю трудового народа.

История развития американской рабочей песни в книге Эймса фактически отсутствует; вместо нее мы находим лишь общую характеристику песен отдельных профессий, хотя сами материалы, почерпнутые Эймсом из журналов «Синг аут!» и «Дейли Уоркер», дают возможность для написания такой истории. В лучшем случае Эймс ограничивается простым цитированием материалов и песен, отражающих классовую борьбу американских рабочих, не стремясь к последовательному описанию развития рабочей песни в связи с развитием американского рабочего движения.

Эти недостатки, безусловно, существенны, но они не могут умалять значения книги в целом, являющейся важным вкладом в науку о народном творчестве. Книга вызывает законный интерес не только у прогрессивных американских исследователей, но и у фольклористов других стран, для которых история народной песни неотделима от истории трудового народа.

Л. М. Землянова

КНИГИ ОБ ИНДЕЙЦАХ АМЕРИКИ

В ознаменование 100-летия со дня рождения выдающегося ученого, писателя и общественного деятеля Центральной Америки Хосе Марти Панамериканский институт географии и истории выпустил серию книг по этнографии и истории Америки. По мысли составителей, эта серия, названная ими «Программой по истории Америки», должна дать исследователям развернутый план изучения этнографии и истории Америки с момента ее заселения до наших дней. Одновременно серия должна быть справочным изданием по археологии, этнографии и истории Америки. Вся серия делится на три части: первая из них посвящена «индейскому периоду» в истории Америки, вторая — «колониальному периоду», третья — «национальному периоду». Предметом настоящей рецензии является только первая часть серии. Она включает следующие работы на английском, испанском и португальском языках, изданные в Мехико в 1953 г. (последняя в списке — в 1954 г.): H. Wormington, *Origins*; H. Collins, *Arctic Area*; J. Griffin, *United States and Canada*; J. Bernal, *Mesoamerica*; M. Saignes, *Zona Circumcaribe*; G. Reichel-Dolmatoff, *Colombia*; J. Bernal y G. Reichel-Dolmatoff, *Mesoamerica y Colombia (Suplementos)*; I. Rouse, *Guianas*; E. Willemss, *Brasil*; S. Valcárcel, *Altiplano Andino*; F. Miranda, *Región Meridional de América del Sur*.

Эти книги несколько различаются по своему плану. Одни из них (например, работа Коллинза о коренном населении Американской Арктики) представляют собой краткие сводки по археологии и истории эскимосов и индейцев, другие (например, книга Виллемса об индейцах Бразилии) ближе стоят к собственно программе. В них перечисляются темы, по которым должно вестись изучение индейцев, и даются краткие комментарии к этим темам.

Общими чертами всех книг по индейскому периоду являются большое внимание к вопросам археологии, стремление связать отдельные археологические культуры между собой, насыщенность новейшим фактическим материалом. Кратко остановимся на отдельных книгах серии.

Работам Вормингтона и Коллинза были уже посвящены специальные рецензии¹. Книжка Гриффина об индейцах Соединенных Штатов и Канады является в основном работой справочно-библиографического характера по антропологии индейцев, их языкам, этно-культурным областям и археологии. В главах, посвященных археологии, есть описания культур, имеющие самостоятельное значение. Автор книги о Центральной Америке Игнасио Бернал ставит перед читателем ряд проблем. Некоторые из них он комментирует и указывает на возможные решения. Рейхель-Долматов излагает в своей книге план, по которому он писал бы историю индейцев Колумбии. По его мнению, такое списание следовало бы разделить на три части: археология, этнография индейцев в первые века колонизации, этнография современных индейцев.

Наиболее интересной из остальных книг серии представляется работа Ирвинга Руза об индейцах Гвианы. Так же, как и вышеупомянутая работа Коллинза, книга И. Руза является не только программой исследования и справочно-библиографическим пособием, но и сводкой новейших сведений по истории индейцев Гвианы с древнейших времен до XX в. Наиболее ценной является археологическая часть книги. Даже в таком полном справочнике по южноамериканским индейцам, как «Handbook of south

¹ См. «Сов. этнография», 1957, № 2.